

Сабитова Регина Рифкатовна

**Русский глагол
в повествовательном жанре XVII века
(семантическое образование форм времени)**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2004

Диссертация выполнена на кафедре истории русского языка и языкознания филологического факультета государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина»

Научный руководитель –	доктор филологических наук, профессор Татьяна Михайловна Николаева
Официальные оппоненты –	доктор филологических наук, профессор Виктор Аркадьевич Баранов кандидат филологических наук, доцент Нина Дмитриевна Орлова
Ведущая организация –	государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Чувашский государственный университет им. И.Н.Ульянова».

Защита состоится 26 октября 2004 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина» по адресу: 420008, г. Казань, ул.Кремлевская, 18, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени Н.И.Лобачевского государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина».

Автореферат разослан 25 сентября 2004 года.

Ученый секретарь диссертационного Совета,
кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю.Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последние десятилетия в отечественной русистике доминирует функциональный подход к грамматическим явлениям, рассматривающий в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций. Вместе с тем в разработке теоретических оснований функциональной грамматики многое остается незавершенным: требуют уточнения и развития как принципы грамматического описания, так и система исходных понятий. Использование одной грамматической формы в функции другой до сих пор квалифицируется как транспозиция, иначе говоря, признается возможность появления нового грамматического значения без одновременного возникновения новой грамматической формы, омонимичной другим (работы А.В.Бондарко, С.С.Ермоленко, Е.Н.Прокопович и др.), что противоречит принципу единства значения и его выражения в системе грамматических форм как двусторонних языковых единиц. Одновременно утверждается необходимость изучения транспозиции в комплексе с другими типами грамматического варьирования (Е.Н.Ремчукова), несмотря на то, что варьироваться могут только единицы одного порядка, то есть грамматические формы. Идеи, высказанные А.А.Потебней, В.М.Марковым и Г.А.Николаевым, позволяют нам рассматривать использование одной формы в функции другой как семантическую деривацию в морфологии, предусматривающую трансформацию только семантики формы без изменения ее морфологических показателей. Включение грамматической формы в иной грамматический разряд приводит к образованию грамматических омонимов, что позволяет говорить не только о создании результативной единицы, но и о возникновении деривационных отношений между исходной и производной грамматическими формами. Безморфемное формообразование относится к типовым явлениям и осуществляется по особым семантическим моделям, к которым применим критерий продуктивности. Формы семантического образования не входят в

парадигмы, сложившиеся из морфемных образований, составляя отдельные парадигмы вторичных форм. От своих производящих они отличаются стилистической маркированностью, так как функционируют главным образом в художественной речи и в разговорном языке. Специфические особенности реализации функций семантических дериватов касаются не только разных форм существования языка, но и типов высказывания (см. по этому вопросу исследования А.В.Бондарко, В.С.Храковского и др.).

Актуальность исследования. Несмотря на то, что употребление темпоральных форм в «несобственных» функциях отмечается в русском языке XVII века с давних пор (работы Г.Н.Аверьяновой, В.А.Бондаревой, А.В.Бондарко, Т.П.Ломтева, С.П.Лопушанской, П.В.Петрухина, Н.А.Сабельфельд, Ю.В.Фоменко, П.Я.Черных и др.), семантические и стилистические особенности указанных форм не получили достаточного освещения. Незнание на диахроническом уровне семантической деривации в морфологии, отсутствие специальных работ по истории безморфемного формообразования определяют необходимость исследования особенностей семантического производства глагольных форм в начальный период формирования русского национального языка, составной частью которого является изучение форм времени семантического образования в русской повести XVII века.

Цель настоящей работы – исследование особенностей функционирования темпоральных форм семантического образования в повествовательных произведениях XVII века. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. описание форм времени семантического образования в единстве их плана содержания и плана выражения, а следовательно – выявление основных закономерностей их функционирования;
2. установление регулярности моделей семантического образования форм времени, нашедших свое отражение в текстах повестей XVII века, путем

сопоставления с темпоральными формами, представленными в текстах литературных произведений старорусского периода;

3. построение парадигмы указанных форм, отражающей грамматические значения входящих в нее форм и характеризующейся однозначным соответствием позиции и связанного с ней формообразовательного средства, а также ее анализ;
4. выявление продуктивности моделей семантического образования темпоральных форм, представленных в повествовательном жанре XVII столетия, посредством сопоставления названных производных с соответствующими формами, функционирующими в литературных произведениях XIX и XX веков.

Цель и задачи диссертации обусловили **комплексную методику** исследования, однако ведущим является *метод функционального анализа*, предполагающий рассмотрение фактов языка в их системно-функциональных связях. Исследуя темпоральные формы семантического образования в языке XVII века, представляющем собой систему одновременно существующих, взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, мы исходим из принципа неразрывности *диахронного* и *синхронного* подходов к изучению фактов истории языка.

Материалом исследования послужили 40 произведений, в числе которых – как типичные образцы повествовательного жанра, ориентированные на событийное воспроизведение действительности (воинские, житийные, исторические, повести-путешествия, сказочные и др.), так и сатирические повести, в которых элемент литературной пародии оттесняет изображение действий и событий на второй план. Из них были извлечены и классифицированы примеры функционирования форм времени семантического образования.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что проведенное исследование позволяет восполнить пробелы в понимании истории семантической деривации в морфологии, способствует расширению

теоретических основ исторической морфологии и уточнению таких понятий, как грамматическая форма, грамматическое значение, парадигма. Тем самым создается реальная основа для решения проблемы изучения эмоционально-экспрессивных и образных возможностей грамматических единиц. Исследование особенностей семантического образования темпоральных форм в его параллелизме и взаимодействии с морфологическим формообразованием, **впервые** осуществляемое на материале разножанровых повестей XVII века, обеспечивает возможность системно-парадигматической квалификации семантических дериватов, что позволяет говорить о **научной новизне работы**.

Теоретическая значимость работы и ее научная новизна определяют сферу ее **практического использования**. Данные, полученные в результате проведенного исследования, способны послужить базой для изучения семантического формообразования применительно к последующим периодам истории русского языка. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке лекционных и специальных курсов, а также учебных пособий по исторической грамматике и истории русского литературного языка при характеристике письменных памятников XVII века.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах на V международной научной конференции «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» (Владимир, 2003), международной научной конференции «Вторые Бодуэновские чтения. Казанская лингвистическая школа: традиции и современность» (Казань, 2003), а также итоговых научных конференциях преподавателей и сотрудников Казанского государственного университета 2001-2003 гг. Работа обсуждалась на кафедре истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, включающей перечень источников с указанием принятых в работе сокращений и списка использованной научной литературы.

Во введении обоснована актуальность темы исследования, определены методы, цели и задачи работы, отмечены ее новизна, теоретическая и практическая значимость, даны сведения об апробации диссертации.

В первой главе «Семантическое образование форм прошедшего времени» рассматриваются особенности образования и функционирования в повестях XVII столетия претеритов, мотивированных формами настоящего времени, формами будущего простого и инфинитива.

Претеритам, производным от форм настоящего времени, свойственно подчеркнутое выражение процессуальности, обусловленное категориальным значением несовершенного вида. В изолированном употреблении они позволяют выделить ключевые моменты в рассказе о прошедших событиях: *Мне начесть спалось да много видилось: пришли ко мне два аньела и **говорят**: много-де, у тебя, поп, в мошне денег* («Сказание о попе Савве»); *В нощи же той возляже опочинути и в сон тонок введен бысть и **видит** на том месте аки поле чистое* («Повесть о Тверском отроче монастыре»); *И егда пришед юноша, жена его видевои и диаволом подстрекаема, радостно **сретаеи** его и всяким ласканием приветствоваши его и лобызаши его* («Повесть о Савве Грудцыне»). Использование в пределах одного контекста нескольких подобных форм дает возможность выделить в рассказе о прошедших событиях ту или иную существенную для дальнейшего развития действия сцену: *Загаркал, напустил на них. **Свищети** падубок в руке богатырской, **ломаются** древа копейные, **цепляются** щиты татарские, **валяются** шоломы их з головами татарскими* («Повесть о Сухане»); *И не было у Кучка боярина круг его красных сел ограды каменные, ни острогу деревянного, и немного возмог Кучко боярин боем битися. И не вдолге князь Андрей своей силою войскою **емлет** приступом*

селы и слободы красныя и Кучка боярина и с его детми в полон **емлет**. И **куют** их в железа крепкие и **казнят** его («Сказание об убиении Даниила Суздальского»). Функционирование таких претеритов семантического образования на фоне форм настоящего времени морфологического образования усложняет перспективу: оно объединяет «субъективное» изображение прошедшего действия и «объективное» воспроизведение условий совершения этого действия: *В прежние времена, как мы не умели пива пити, всяк **зовет** и на дом **ходят**, и мы **не ходим**, и в том гнев **живет** от друзей своих. А ныне где и не зовут, и мы идем своим напрасньством* («Служба кабаку»); *И столник Нардин Нащокин приехал в дом свои и пошел в покои, жестоко **плачит** и **кричит**: «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашел Аннушку!»* («Повесть о Фроле Скобееве»).

Значение претеритов, производных от форм будущего простого, осложнено оттенками, связанными как с футуральной семантикой, так и с категориальной семантикой совершенного вида. В случае употребления с отрицанием они способны выражать модальные значения, указывая на невозможность или нежелание совершения действия в прошлом: *И потом нача поп з богатым ужинати, убогова ж **не позовут** к себе ясти* («Повесть о Шемякином суде»); *А се в мале дружине своей остались, уж стало переменитца некем, - ни на единой час отдохнуть нам **не дадут!*** («Поэтическая» повесть Азовского цикла). Формы без отрицания могут представлять прошедшие действия а) как повторявшиеся в течение определенного отрезка времени: *Учал знатися с царем, дружбу любовну имети, ако же и побратися с царем и царя к собе звати на обед почасту. И царь **приедет** ко двору, идеже дом Василев, и Василей **постелет** сукна дорогие, скорлатные* («Слово о купце») и б) как однократные результативные: ***Спамятует** молодец спасенный путь – и оттоле молодец в монастырь пошел постригатися* («Повесть о Горе и Злочастии»). Формы глагола *быть*, функционирующие в придаточной части сложноподчиненных предложений времени, называют разовое, не имевшее тенденции повторяться состояние в

прошлом: *И егда **будет** среди торжища, встрете его того царства сенатор* («Повесть о купце»).

В функционировании претеритов, мотивированных инфинитивом (в основном несовершенного вида), отражается свойственное ему обозначение действия безотносительно к деятелю. Субъект такого действия назван именем или местоимением в дательном падеже, что свидетельствует об осложнении субъектной семантики оттенками объектной грамматической интерпретации. Именно с обусловленностью прошедшего действия чужой волей связаны характерные для подобных форм модальные оттенки непредвиденности, вынужденности и т.д.: *Во едино же время зима бе студена зело, яко земли **разседатися** от мраза* («Повесть об Улиянии Осорьиной»); *И толико множество Полских людей и мятежников и клятвопреступников Русских собрашася, яко и земли **покрыватися** щиты и воздуху **блещатися** копии, брани же и крови **разливатися** всюду* («Повесть о Тушинском воре»). Поскольку модель семантического образования претеритов на базе инфинитива к XVII веку стала непродуктивной, указанные производные являются устаревшим средством интерпретации прошедшего действия, еще не внешним жанровой системе, но уже чуждым языковой (В.В.Колесов) и в нашем материале функционируют в повествовательных произведениях, созданных в традициях старой книжности.

Во второй главе «Семантическое образование форм настоящего времени» рассматриваются особенности образования и функционирования в повестях XVII столетия форм презенса, мотивированных формами будущего простого (другие не зафиксированы). Их производство (равно как и образование синтетической формы будущего времени на базе настоящего) стало возможным после распада семантического синкретизма, исключавшего противопоставление производящего производному, а следовательно – возникновение деривационных отношений. Они характерны преимущественно для близких к разговорному языку эпохи повестей новой книжной традиции. Значение настоящего времени осложнено в них оттенками, связанными как с

футуральной семантикой, так и с категориальной семантикой совершенного вида. В случае употребления с отрицанием они способны выражать модальные значения, указывая на обобщенную невозможность совершения действия: *Тому и бог **не поможет**, кто хлеба и соли не помнит* («Сказание о куле и лисице»); *За нагим-то Горе **не погонитца**, да никто к нагому **не привяжетца**, а нагому босому – шумить разбой* («Повесть о Горе и Злочастии»). Только в мнимоотрицательных конструкциях типа «кто не + форма 3-го лица единственного числа», имеющих характер риторического вопроса, такие формы лишены модальных оттенков и указывают на закономерность и даже целесообразность названного глаголом действия: *Кто ли, пропився до нага, **не помянет** тебя, кабаке непотребне?* («Служба кабаку»). Формы без отрицания осложнены модальными оттенками готовности к осуществлению действия, возможности или неизбежности его осуществления: *Разумной человек не одну душу свою **спасет**, но и людцкия многия* («Повесть о разуме человеческого»); *И кому какая птица годна, тот ту себе, избрав, **взмет**, а остаточных прочь отгоняет* («Сказание о роскошном житии и веселии»).

В третьей главе «Семантическое образование форм будущего времени» рассматриваются особенности образования и функционирования в повестях XVII столетия форм футурума, мотивированных формами настоящего времени и инфинитива. И те, и другие отмечаются в повестях новой книжной традиции, отражающих близость к разговорному языку эпохи.

Формы футурума, производные от форм настоящего времени, отражают значение процессуальности, свойственное их производящим и обусловленное категориальной семантикой несовершенного вида. Они способны представить будущие действия как протекающие в момент речи: *Аще нас господь бог от сия смерти избавит, то мы не будем в Азове городе жить и **идем** на тихой Дон Иванович и построим мы, казаки, монастырь* («Сказочная» повесть Азовского цикла); *А есть ли толко вы из Азова города сея ноци вон не выдете, **не можете** завтра от нас живы быти* («Поэтическая» повесть Азовского цикла).

В формах футурума, мотивированных инфинитивом, своеобразно трансформируется способность инфинитива обозначать действия безотносительно к деятелю. Субъект будущего действия, обусловленного чужой волей, назван именем или местоимением в дательном падеже. Футуральная семантика указанной формы осложняется модальными оттенками необходимости, вынужденности, возможности/невозможности, недопустимости и т.д.: *Отнюд ево воли **не бывати** и самому ему у нас **не живати**, да не токмо ему, но и рожденному от него, аще не освятится тако, яко же мы, божиею благодатию* («Новая повесть о преславном Российском царстве»); *Царю Василей! Аще ево ныне не докончаеш, утре тебе тою ж самому смертью умереть* («Повесть о византийском царе Михаиле»). В вопросительных предложениях модальные оттенки оказываются нейтрализованными, действие лишь относится к плану будущего времени: *Да како могу тебя пустити, понеже нас запрут двоих. Да како же ей, девичье дело, како ей **раздетца** при тебе?* («Повесть о купце»).

Регулярность образования в русском языке XVII века всех описываемых форм (за исключением мотивированных инфинитивом претеритов, ставших к этому периоду непродуктивными), их общезыковой статус подтверждается работами В.А.Бондаревой, А.В.Бондарко, С.П.Лопушанской, С.Д.Никифорова, П.В.Петрухина и др. Что же касается их функционирования в нашем материале, то оно определяется степенью «демократизации» той или иной повести. В произведениях старой книжной традиции («Повесть о некоей брани» Евстратия, «Предание об основании Москвы Олегом») указанные формы не отмечены; крайне ограничено их использование в повестях с явным преобладанием традиционно-книжных элементов над народно-поэтическими («Повесть об Улиянии Осорьиной», «историческая» повесть Азовского цикла); наибольшее их разнообразие характерно для текстов, сочетающих традиционную книжную риторику с живой разговорной речью («Повесть о Савве Грудцыне», «Новая повесть о преславном Российском царстве» и др.). В сатирических и сказочных повестях, основу которых составляет народно-

речевая стихия, функционируют только производные, созданные по регулярным для XVII века моделям семантического образования темпоральных форм.

В четвертой главе «Парадигма темпоральных форм семантического образования» названная парадигма подвергается многостороннему анализу, учитывающему, что: а) тождество глагольной лексемы в ее грамматических видоизменениях, выражаемое наличием у всех членов парадигмы инвариантной части, сохраняется постольку, поскольку его сохраняют формы исходной парадигмы морфологического образования и инфинитив; б) позиция (темпоральное значение производного – предшествование, одновременность или следование действия по отношению к точке отсчета) однозначно соответствует связанному с ней формообразовательному средству (той или иной модели взаимодействия производящего с темпоральным значением контекста, которое выражается грамматическими, лексическими или комбинированными средствами); в) контекстуальное окружение дает только дейктическую основу темпоральной функции, остальные характеристики определяет сама форма; г) семантическая неоднородность производящих детерминирует формальную неоднородность структуры производных и различия в их функционировании: производным форм настоящего и будущего времени свойственно выражение субъекта подлежащим в форме именительного падежа, производным инфинитива – приинфинитивной формой дательного падежа имени/местоимения. Поскольку темпоральные формы семантического образования омонимичны своим производящим, в парадигму должны быть включены и омонимы лично-числовых форм (настоящего времени и будущего простого), и формы, омонимичные сочетаниям инфинитива глаголов совершенного и несовершенного видов с местоимениями различных классов или существительными всех трех родов в форме дательного падежа обоих чисел – в зависимости от способа указания на косвенный субъект действия. Однако в повестях XVII века реально представлены не все теоретически возможные формы семантического образования: так, из трех частных парадигм

только в одной (форм презенса) все позиции оказываются занятыми: зафиксированы омонимы форм будущего простого 1-го, 2-го и 3-го лица обоих чисел. В двух других набор словоформ неполон. Среди претеритов отмечены омонимы форм настоящего времени и будущего простого 1-го и 3-го лица обоих чисел, омонимы форм будущего простого 2-го лица единственного числа, при инфинитиве – личное местоимение *он* и определительное местоимение *все*, а также существительные всех трех родов единственного числа (в форме дательного падежа); среди форм футурума – омонимы форм настоящего времени 1-го и 3-го лица единственного числа и 1-го и 2-го лица множественного числа, при инфинитиве – личные местоимения *я*, *ты*, *он*, *она*, *мы*, *вы*, указательные *тот*, *то*, вопросительное *кто*, а также существительные мужского и женского родов единственного числа (в форме дательного падежа). Разумеется, оценка дистрибуции лично-числовых форм имеет относительную ценность, поскольку выбор конкретного средства обозначения прошедшего или не прошедшего действия того или иного лица, а значит – наличие в тексте соответствующей формы, зависит от автора. По этой же причине ни одна из изученных повестей не содержит все формы времени одного и того же глагольного слова, созданные безморфемно.

Исследование показывает, что модели семантического производства темпоральных форм, функционирующих в повестях XVII столетия, являются продуктивными и для современного русского языка, в котором отличается регулярностью образование претеритов и форм презенса на базе форм будущего простого (*Денег даже давал, когда под пьяную руку **приедет** и Право, **позавидуешь** иногда чиновникам соответственно*), образование претеритов и форм футурума на базе форм настоящего времени (*Весной 1812 г. Евгения **отправляют** в Петербург и Я будущей зимой **уезжаю** за границу соответственно*), а также образование форм футурума на базе инфинитива с дательным падежом косвенного субъекта действия (*Мы любим друг друга, но свадьбе нашей **не быть!***; подобные конструкции легко отграничить от сходных предложений без контекстуальных показателей следования действия за

моментом речи, «в чистом виде» выражающих ирреальную модальность: ***Не плакать же мужчине от боли***). Исключение составляет модель создания претеритов на базе инфинитива с дательным падежом косвенного субъекта действия, непродуктивная уже в XVII столетии. Кроме того, регулярными для современного русского языка являются некоторые модели образования темпоральных форм, не отмеченные в нашем материале. Отсутствие претеритов и форм презенса, мотивированных формами будущего сложного (*Об арифметике и помину не было: вряд ли и считать-то умел, но зато лакомиться, франтить – мастер! Целое утро **будет сидеть** и не пошевелится, только завей ему волосы и Целый день марабу **будет дежурить** у бойни, чтобы получить кусок мяса. Поедает и отбросы у хижин соответственно*), объясняется, по-видимому, поздним закреплением последних, лишь в XVIII столетии закрепившихся в языковой системе. Отсутствие претеритов, соотнесенных с императивной формой 2-го лица единственного числа глаголов совершенного вида (*Титка, когда мы раскулачивали, он и **напади** на товарища Давыдова*), форм презенса и футурума, производных от л-форм глаголов обоих видов (*Из чужого табачка всегда такие крутят: утром **закурил** – к вечеру **вынул**; А то, вишь ты, – обратился он к сыну, – в одном месте **не начинал сеять** – теряешь половину урожая, а в другом – **взад-вперед**, **вдоль-поперек** и Если он не вернется, мы **пропали*** соответственно), а также форм презенса, омонимичных формам будущего времени глагола *быть* (*Ага, самка, ангорская. Погляди, какая она жирная, полпуда **будет***), относится целиком на счет авторского выбора, определяющего способы решения художественных задач повествовательного текста, так как грамматическая система русского языка XVII века допускает образование перечисленных форм.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования:

- Формирование особенностей семантического образования темпоральных форм на всем протяжении исторического развития русского языка шло параллельно со становлением видо-временной системы и определялось неравномерностью ее эволюции. Языковая интерпретация темпоральных

форм безморфемного образования исторически обусловлена постольку, поскольку исторически обусловлена языковая интерпретация семантики их производящих.

- Четкая зависимость функционирования указанных форм от литературной традиции, в которой создана та или иная повесть XVII века, позволяет квалифицировать их как один из жанрообразующих факторов.
- Модели семантического образования темпоральных форм, представленных в нашем материале (исключая модель производства претеритов на базе инфинитива), являются регулярными в начальный период формирования русского национального языка и остаются продуктивными на современном этапе его развития.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

Сабитова Р.Р. Семантическое образование форм настоящего и будущего времени в русских повестях XVII века / Р.Р.Сабитова // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: Труды и материалы: В 2 т. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. – Т.2. – С. 108-110.

Сабитова Р.Р. Актуальные вопросы семантической деривации в морфологии (на примере темпоральных форм) / Р.Р.Сабитова // Opera Slavica: Slavisticke rozhledy. – 2003. – Вып. XIII. – № 4. – С. 1-6.

Сабитова Р.Р. Семантическое образование форм прошедшего времени в разножанровых русских повестях XVII в. / Р.Р.Сабитова // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы пятой международной конференции. – Владимир: Изд-во Владимирск. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 190-191.

Сабитова Р.Р. Семантическое образование временных глагольных форм в воинских повестях XVII века / Р.Р.Сабитова // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. – С. 65-67.

Сабитова Р.Р. Парадигма форм прошедшего времени, образованных семантическим способом, в русских повестях XVII века / Р.Р.Сабитова //

Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. – С. 107-112.

Сабитова Р.Р. Семантическое образование форм прошедшего времени в севернорусских житийных повестях XVI и XVII веков / Р.Р.Сабитова // Православный собеседник: Издание Казанской духовной семинарии. – 2003. – №1. – С. 73-80.